

Из истории немецких колоний

Нашествие киргиз-кайсацких и калмыцких орд

После частичных набегов на немецкие колонии разрозненных шаек Пугачева в 1773-1774 годах, подорвавших благосостояние колонистов, которые потеряли уверенность в своей безопасности, колонии луговой стороны Волги посетил другой враг, дикий и беспощадный.

Годы 1774, 1775 и 1776 навсегда останутся в памяти колоний черными и залитыми кровью. Внезапно появившись из глубин диких уральских и оренбургских степей, неизвестный дотоле враг прошел огнем и мечом от Екатериненштадта (Баронска) до Ровной, оставляя за собой разграбленные и сожженные села и трупы жителей.

Мы говорим о нашествиях диких орд киргиз-кайсаков, каракиргизов и калмыков, живущих по ту сторону Уральского хребта, которые, осмелев после пугачевского бунта, не желали уступить без боя пришельцам-колонистам степи, исконными хозяевами коих они себя считали.

Правда, появлению диких номадов предшествовали слухи о том, что подозрительные шайки людей из глухих уральских степей бродят около колоний. Но слухи эти считали пустой болтовней, думая, что речь идет о разрозненных отрядах казненного Пугачева, тем более, что яицкие (уральские) казаки входили в состав его шаек. Однако в этом предположении ошиблись, и ошибка эта стоило дорого. Шайки эти оказались состоявшими из упомянутых уже киргиз-кайсаков и других диких народностей, которые в продолжении трех лет своими ежегодными набегами совершенно опустошили колонии, а жителей частью убили и разогнали с насиженных мест, частью же захватили в плен и увели в ту сторону Уральского хребта, обращая их в своих рабов или продавая на невольничьих рынках Хивы, Бухары и Самарканда.

Определить точное число набегов довольно трудно, так как мемуары современников и другие источники пестрят противоречиями. Определение это затрудняется и тем, что

исключая крупных, было много случаев мелких набегов, представляющихся грандиозными лишь в глазах очевидцев. Сильно расходятся современники и историки и в хронологии событий.

Имея под руками труды пастора Дзирне «Колониальная история», несколько безымянных мемуаров, воспоминания некоего Фридриха Вильгельма Асмуса, написанные в 1829 году, мемуары бывшего шультмейстера с. Звонарев Кут Иоганн-Георга Меринга, относящиеся к периоду 1763-1776 года, архивные данные и другие труды, можно ясно видеть хаос, царящий в хронологии событий. Меринг, например, огульно относит все нападения киргиз-кайсаков к 1774 году; некий безымянный автор, рукописный труд коего относится к тому времени и составлен в 1848 году, считает, что набеги продолжались в периоде 8-9 лет, вплоть до 1776 года, смешивая, очевидно, нашествие киргизов, пугачевский бунт и крестьянские волнения царствования Екатерины. Некоторые авторы даже относят все киргизские нашествия к допугачевскому времени. Сопоставляя и проверяя эти данные, можно прийти к выводу, что больших набегов было три, приуроченных к осеннему периоду 1774, 1775 и 1776 годов включительно. Остальные указываемые случаи были или мелкие разбои киргиз-кайсаков, или хищения рассеянных пугачевских шаек.

Набег 1774 года обрушился на колонии, лежавшие по Большому и Малому Караманам: Хайсоль, Цезарсфельд, Отроговку и Тонкошуровку. Вся беда была в том, что население еще не имело понятия о киргизах. В Тонкошуровке — конечном пункте набеге, киргизы неожиданно появились в августе месяце и, разъезжая по улицам, начали ловить в арканы возвращавшихся из церкви людей. Первое время никто не понимал, в чем дело, а священник Тонкошуровского прихода — патер Иоганнес даже вышел на крыльцо, чтобы приветствовать пришельцев, но был захвачен за шею арканом и увлечен в неволю. Забрав большое количество пленных, скот и награбленное имущество, киргизы отправились в свои степи.

Интересна судьба патера Иоганнеса (Иоанна). Он был францисканский монахом, родом из Польши. Фамилия его для нас осталась невыясненной, и он в источниках не упоминается. Пойманный киргизами, осыпавый ударами нагаек, он был уведен в глубь киргизской орды, стойко перенося всевозможные истязания.

При дележе добычи и пленников, патер Иоганнес с двумя мальчиками в возрасте 12 лет достался одному хозяину и надеялся делить свою горькую участь с этими случайными спутниками своего несчастья, поддерживая их примером и теплым словом. Но через несколько дней мальчики были проданы другому киргизу, а патер Иоганнес должен был пасти стада овец в качестве пастуха. Около трех лет патер Иоганнес служил пастухом, перенося мучения и истязания от бессердечного хозяина; он ел конину, пил кумыс, переносил часто голод и жажду, холод и зной. Самым тяжким испытанием была для него невозможность изучить язык киргизов. Стар ли он был или одиночество при пастьбе овец лишало его возможности упражнений, но постигнуть этот чуждый его слуху негармоничный язык он не мог и терпел побои, вызванные его непонятливостью. Однако человек привыкает ко всему. Так и патер Иоганнес в конце концов свыкся со своим положением, находя даже удовольствие сравнивать себя со смиренным Иаковом, Давидом и другими библейскими пастухами, коих псалмы он ежедневно распевал в своем одиночестве.

Во время почти трехлетних скитаний со стадом, патер Иоганнес однажды, подгоняя овец к ручейку для водопоя, услышал с удивлением голос, распевавший на латинском языке 102 псалом Давида. Отвечая пением того же псалма, патер пошел по направлению голоса, и вот, на берегу ручья сошлись два пленника: священник Тонкошуровского прихода и шульмейстер села Краснополье Дальфус, захваченный киргизами в 1775 году во время нападения на Тарлыцкий округ. Часто встречались в этом месте оба пленника, поверяя друг другу свое горе и надежды, утешая и поддерживая один другого. Но судьба скоро снова разлучила их.

Счастье улыбнулось патеру Иоганнесу и послало ему избавителей в лице оренбургских купцов, желавших приобрести у его хозяина большую партию овец. При виде пастуха купцы тотчас же догадались, что перед ними пленник и вступили с ним в разговор. После недолгой беседы с глазу на глаз, видя страдания и страстное желание свободы пленника, купцы приступили к переговорам о выкупе с хозяином-киргизом. Поломавшись и поторговавшись, киргиз уступил своего пленника за 150 рублей.

Получив свободу, патер Иоганнес некоторое время путешествовал вместе с купцами, которые после удачного

завершения своих дел сдали его оренбургской полиции. Обещая вечно молиться за спасение душ своих избавителей, патер Иоганнес прибыл в свой прежний приход, где собрал паству для последней проповеди, ибо ему уже был назначен преемник. И вот перед тысячами собравшегося народа священник-пастух рассказал о всех перенесенных им страданиях, злоключениях и чудесном избавлении; он просил молиться за несчастных пленников, повестью об участии которых вызвал рыдание всей паствы. Окончив проповедь, патер Иоганнес со слезами на глазах простился с глубоко потрясенными прихожанами и навсегда ушел из печальных для него мест на свою родину в Польшу, где и умер в одном из монастырей.

Из захваченных в плен во время первого нападения многие были выкуплены таким образом. Многие были также выменены на пленных киргизов, захваченных русскими во время пограничных набегов. Киргизы дорого ценили своих соотечественников и давали в обмен за одного своего трех немцев. Наконец, некоторые пленники усердной и честной службой у своих хозяев покупали себе свободу. Это случалось, главным образом, с немцами-рабами, купленными у киргизов бухарскими и самаркандскими купцами. История такого пленника, получившего таким образом свободу, будет рассказана нами ниже.

Прошел год со времени первого набега диких ордынцев. Снова наступила осень. Жизнь колонистов почти вошла в колею, хотя слезы, причиненные первым набегом, еще не высохли и грусть потерявших своих близких еще не утихла. Но чаша испытаний далеко не миновала едва оправившихся колоний.

В ноябре месяце 1775 года шайка киргиз-кайсаков и калмыков в 600 человек напала на южные колонии Тарлыцкого округа: Краснополье, Кочетную, Кустарево, Краснорыновку и Ровную. Наскоро разграбив и опустошив первые четыре поселения, киргизы 12-го ноября 1775 года с воем и гиканьем бросились на Ровную и, разделившись на четыре отряда, принялись за свое страшное дело. Ровненский погром надолго остался в памяти народа как наиболее ужасный, и мы остановимся на нем подробнее, возобновив несколько героических и трагических эпизодов.

Когда киргизы рассыпались по улицам Ровной, большинство жителей бросилось искать спасения в бегстве, ища потаенных

уголков или убегая в дуга, расположенные тогда на берегу Волги. Меньшинство пыталось защищаться, и особенно мужественно вел себя некий Иоганнес Клотц. Он громким голосом призывал товарищей к обороне, но никто его не слушался. Вооруженный двустволкой, Клотц уложил на месте первого, бросившегося на него ордынца; товарищ последнего хотел ударить храбреца пикой, но также был убит наповал вторым выстрелом. Спрятавшись и зарядив ружье, Клотц снова вышел на улицу, где киргизы продолжали свое дело, и снова застрелил двух из них. Еще не рассеялся дым от выстрелов, как на него набросился третий, размахивая арканом; но Клотц быстрым прыжком в сторону избежал роковой петли и разбил прикладом киргизу череп, после чего снова спрятался в погреб, чтобы зарядить ружье. Но на этот раз киргизы заметили его и начали ломать дверь погребицы. Тогда Клотц страшным усилием вырвал раму отдушника, выскочил на двор и спрятался в дровянике, где снова зарядил свое оружие. Выйдя вскоре из убежища, он перелез через забор на соседний двор, где заметил киргиза, тащившего за волосы жену некого Якоба Рихтера. «Брось, негодяй!» — крикнул Клотц, направляясь к ордынцу; последний оставил жертву и с пикой в руке пошел навстречу защитнику, но упал с простреленной головой. В этот момент в открытые ворота галопом ворвался другой киргиз и взмахнул своим арканом. Услышав свист петли и зная, что таким образом ордынцы ловят людей, Клотц отскочил и аркан задел его лишь за ухо, оторвав кончик. Увидев неудачу и опасаясь ружья, киргиз ускакал в ворота, а стрелок, пробираясь дворами, добрался до поля и там в овраге нашел кучку скрывавшихся мужчин и женщин.

Клотц горячо упрекал мужчин за их трусость, утверждая, что двадцать человек решительных разогнали бы всю шайку. Наступила ночь. Все лежали притаившись. Издали слышались стоны, плач и крики. Женщины также принялись было плакать, но Клотц приказал им молчать. Он боялся выдать свое присутствие, так как недалеко послышался стук многочисленных копыт и разговор, прерываемый рыданиями и жалобами. Не было сомнений, что киргизы расположились лагерем за селом, и оставаться дольше в овраге становилось небезопасным. Но куда бежать? На дугах у Волги киргизы пасли своих лошадей, а в степь пробраться незаметно было невозможно из-за ясного, лунного света. Приходилось пережидать.

На заре киргизы исчезли с лугов, желая, очевидно, напоить лошадей. Беглецы, заметив это, бросились в оставленные луга, единственное место спасения. Едва, однако, они пробежали несколько сот саженьей, как из-за холма поднялись два сторожевых ордынца и бросились навстречу колонистам. Тогда Клотц крикнул, чтобы все бежали дальше, в южную сторону лугов, и двумя выстрелами уложил нападавших. Но только один ствол своего ружья и успел он зарядить. Растянувшись кольцом, к нему скакало человек 12 киргизов, размахивая арканами. О спасении нечего было и думать. Клотц понял, что он погиб, и решил дорого продать свою жизнь. Первому же приблизившемуся храбрец всадил в грудь свой последний заряд; затем, бросившись на другого, с такой силой ударил лошадь по голове прикладом, что она замертво упала на землю, а об нее споткнулись лошади двух других киргизов. Круг нападавших был прорван, свободен. Но в этот момент аркан со свистом упал на Клотца и петля затянулась на шее. Как дикие звери бросились на несчастного киргизы, подвергли его страшным побоям и связанного по рукам и ногам доставили в лагерь, где расположилась вся шайка с награбленным имуществом, пленными людьми и скотом, оставив за собой опустошенное, полуразрушенное село, с разбросанным по улицам домашним скарбом и трупами жителей. Но село киргизы покинули еще не окончательно. Расположившись лагерем, они в продолжение трех дней возвращались толпами в колонию, разграбляя ее дотла и отбирая из скота самый лучший. В субботу, 14 ноября, весь отряд собрался в лагере, оглашаемом стонами и плачем пленных. Киргизы требовали полного молчания, беспощадно избивая нагайками непослушных. Пленники лежали вперемешку — мужчины, женщины и дети из 5 колоний, подвергшихся опустошению.

За два часа до заката солнца отряд начал готовиться к выступлению наутро. Пленников делили и сортировали, что сопровождалось душераздирающими сценами расставания, так как брали не всех, а лишь наиболее здоровых. Затем всех колонистов расположили кругом, а в центре поместили связанного Иоганнеса Клотца. Двое киргизов сели ему на руки, двое на ноги, один держал голову, а двое с ножами в руках приступили к истязанию несчастного, обрезая ему пальцы на руках и ногах по суставам,

ломаю ему кости. Один из них нанес такой удар вывшему от боли Клотцу нагайкой, что сквозь лопнувшую кожу и рассеченное мясо проглянули скуловые кости. Волосы пленников становились дыбом при виде ужасной пытки и при диких криках истязаемого. Клотц был живым разрезан на части и испустил дух в страшных мучениях. Темная ночь прекратила зверства киргизов, но принесла с собой холодный северный ветер и бессонницу для пленников, с ужасом ожидавших утра.

При первом проблеске зари отряд пришел в движение. Пленных привязывали к лошадям, подгоняя нагайками. Началось расставание с остающимися. Детей оттаскивали от родителей и давили конскими копытами. Грудных младенцев отрывали от матерей и пиками прикалывали их к земле. Несчастные малютки, пронзенные копьями, извиваясь, судорожно вцеплялись ручонками в орудия убийства. Вопли матерей и крики убиваемых детей наполняли воздух и покрывались злорадным хохотом киргизов. Наконец отряд двинулся в путь. Впереди гнали скот, а за ним следовали всадники с пленными по 20 человек в ряд. Киргизы с воем, свистом и пением гарцевали по степи, избивая нагайками привязанных за шею арканами мужчин.

На первом вечернем привале остывших от холода пленников поставили в круг и посреди водрузили столб, обложив его хворостом. Надежда на возможность отогреться вкралась в сердца несчастных, но их ждало разочарование: к столбу привязали брата умученного Иоганнеса Клотц и подожгли хворост. Пленники в ужасе отвернулись от страшного зрелища. Когда огонь сжег веревки, Клотц выскочил из огня, но от удара нагайкой по голове опрокинулся на горящий хворост, чтобы больше не подниматься. После первого костра был сложен второй, и всех охватила дрожь от ожидания: кому-то теперь предстоит мучения. Но на этот раз пленным разрешили пользоваться благодетельным теплом. Очевидно, киргизы опасались, что холод и простуда может сделать их добычу непригодной к работе. Вновь наступила ночь, вторая ночь плена и мучений. Много рыданий, тоски и безутешного горя скрывала она в себе. Предаваясь отчаянию, потеряв всякую надежду на избавление, сидели вокруг костра жертвы киргизов. И тут случилось нечто такое, что хоть немного подкрепило и ободрило пленников.

Шульмейстер из Краснополя Дальфус, вспомнив, что этот день (15 ноября 1775 г.) — воскресенье, обратился к своим собратям с горячей проповедью. Говорил он о терпении и твердости в уповании на Бога; напоминал о молитве за избавление и безропотном перенесении лишений; говорил о горячей вере в благость Божьего Промысла; и за врагов просил он молиться, вспоминая святыя слова распятого Сына Божья: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят».

Окончив проповедь, Дальфус запел псалом, но немногие вначале поддержали его, так как рыдания сжимали горло. Но вскоре образовался стройный хор, освещенный красноватым отблеском костра и в тишине ночи возносивший свои молитвы к Престолу Всевышнего. Наконец, пение окончилось. Душевно облегченные и торжественно настроенные, пленники расположились на ночлег у костра, думая об оставленных дома родных и друзьях. На киргизов эта сцена произвела большое впечатление, и они держали себя совершенно спокойно. Наутро путь продолжался.

Через 18 дней по выступлению из Ровной, отряд достиг города Яицка (Уральск), расположенного на реке Яик (Урал), через которую предстояло переправиться. Остановившись недалеко от города и тщательно скрываясь, киргизы послали вперед разведчиков исследовать, свободна ли переправа. Они опасались уральских казаков и желали не только сами проскользнуть благополучно, но и сохранить свою добычу. С наступлением ночи, приказав пленникам хранить гробовое молчание, киргизы стали пробираться к реке. Едва, однако, они ее достигли, как увидевшие очертания домов города и заметившие мерцание огней, пленники подняли крик о помощи. Но ветер дул в противоположную от города сторону и крики затерялись в пространстве. Киргизы же так жестоко принялись избивать несчастных нагайками, что вскоре водворилось молчание. Лишь один колонист из Краснорыновки упорно продолжал кричать: «Помогите, помогите!» Тогда киргизы расправились с ним коротко и жестоко: его сняли с лошади и подвели к проруби, сделанной казаками для поила лошадей. Догадываясь об угрожавшей ему страшной участи, несчастный упал на колени, простирая к небу связанные руки. Но тщетно — ему забили рот тряпкой и опустили под лед. В ту же прорубь сунули и

истерично взывавшую о помощи женщину, предварительно вонзив ей в сердце нож. Оставив холодную могилу позади, отряд благополучно переправился через реку и двинулся дальше с пением, свистом и веселым гиканьем. Киргизы радовались, что удачно прошли последний опасный этап.

Через три дня (5 декабря), вечером, отряд прибыл к большому становищу, где киргизы были встречены ликующей толпой своих соплеменников, всячески издевавшихся над несчастными пленниками.

Нападение кочевников

По случаю возвращения с добычей, на следующий день состоялось большое торжество, причем пленным дали по куску мяса и разбили их на группы сообразно полу и возрасту. Затем киргизы приступили к дележу добычи, причем каждому досталось по три человека. Принимая во внимание, что отряд состоял из 600 человек, можно предположить, что во время этого набега из 5 разгромленных сел было уведено около 1800 человек, не считая умерших по дороге от побоев и ран, убитых по дороге же киргизами для развлечения и погибших при самом нападении. Часть этих пленников была оставлена в качестве рабов, часть же продана на невольничьих рынках. К дальнейшей судьбе их мы вернемся еще в конце главы.

При упомянутом уже дележе снова разыгрались ужасные сцены прощания. Не только женщины, но и мужчины теряли всякое самообладание. Шульмейстер Дальфус упал в обморок, видя, что от него бессердечно оторвали двух дочерей и увели неизвестно куда.

Трогательная судьба этого Дальфуса и так как его история до сих пор живет в памяти народа, переходя из поколения в поколение, мы позволим себе рассказать ее.

Дальфус пришел в Россию в 1767 году и поселился со своей семьей, состоящей из жены и двух малюток-девочек в колонии Краснополье. Будучи человеком образованным и умным, он пользовался большим уважением в колониях, сделался шульмейстером и до 1775 года жил мирно, воспитывая своих двух дочек. Во время нападения киргизов Дальфус был схвачен со своими девочками и уведен в неволю. По дороге, тяжелой и полной лишений, Дальфус согревал озябших детей собственным дыханием,

отдавал им свою скудную долю пищи и молил Бога, чтобы его не разлучили с ними. Но судьба захотела иначе: детей увели неизвестно куда, а Дальфус сделался рабом-пастухом у одного киргиза, надеясь в душе, что дети его выкуплены русским правительством и отправлены на родину к матери. Во время своих скитаний со стадом овец Дальфус встретился с патером Иоганнесом, и эта встреча, а также освобождение патера еще больше укрепили бедного пленника в его предположениях о судьбе детей. Наконец, и для Дальфуса настали красные дни. Хозяин продал его богатому самаркандскому купцу, который обращался с ним мягко и доброжелательно. Вскоре, благодаря своим знаниям и уму, Дальфус освоился с чуждым ему языком и сделался главным доверенным лицом своего нового господина, который его очень полюбил и доверял безгранично. По поручениям своего хозяина Дальфус ездил по всем торговым пунктам, совершая сделки. Однажды Дальфус приехал в большой торговый пункт, где был и невольничий рынок. Закончив дела, он решил посмотреть и на торговлю невольников, надеясь встретить кого-нибудь из своих соотечественников. Проходя между рядами предназначенных в продажу людей и глубоко тронутый позорным торгом, Дальфус услышал вдруг невдалеке сдавленный детский крик: «Папа, папа...» Бросившись туда, он с ужасом увидел привязанных к столбу своих двух дочек, назначенных в продажу. Трудно описать радость отца при виде своих детей и его горе о их положении. Дети же со слезами прижались к его груди, молили об освобождении. Дальфус кинулся к их хозяину-бухарцу и обещал ему большую сумму денег; не решаясь израсходовать эту сумму без разрешения своего хозяина, он попросил бухарца немного обождать, поцеловал своих детей, вскочил на коня и устремился в Самарканд. Едва переводя дух, он вбежал к своему господину и, бросившись на колени, заливаясь слезами, умолял о разрешении израсходовать нужную сумму на выкуп детей. Господин не только позволил, но и выбрал его за глупость и предположение о бессердечности, приказал взять лучшего коня и ехать за детьми.

Окрыленный надеждой освободить своих дочурок, Дальфус не скакал, летел. Но какой страшный удар пришлось ему перенести, когда он не нашел больше своих детей. Бухарец их кому-то продал,

и они были уведены неизвестно куда. Отчаянию бедного отца не было границ.

Несколько месяцев метался он по всей стране, отыскивая детей, но не нашел даже следов их. Дети, которых он, как верный раб своего господина, не решился выкупить без разрешения хозяина, пропали для него навсегда. Наконец силы Дальфуса надломились, и он бросил бесплодные поиски, вернувшись к своему господину. Тронутый горем любимого раба, этот добрый человек дал ему полную свободу и отправил с караваном в Астрахань, откуда Дальфус прибыл на родину, все еще надеясь, что дети его дома, что они выкуплены. Нов опустевшем доме его встретила лишь убитая горем жена, а детей больше ему не суждено было видеть.

На родине Дальфус был уже живым мертвецом. Упреки совести отняли у него не только покой, но и сон. «Глупец! Детобийца!» — слышалось ему. Днем и ночью вставал перед ним образ несчастных дочек, с рыданиями протягивающих к отцу руки и молящих о спасении.

Недолго после этого прожил несчастный Дальфус. Он никогда не улыбался, почти не говорил; когда же кто-либо заговаривал с ним, утешая или соболезнуя, он лишь устало поднимал на говорившего глаза, полные безысходной тоски и отчаяния; при виде же играющих на улице детей бедный отец отворачивался, заливаясь слезами.

Под простым деревянным крестом на тихом сельском кладбище покоится усталое тело. Но в памяти народной он жив.

Существуют и более светлые воспоминания о киргизской неволе. Были и удачники, приобретающие там состояние. В колониях еще помнят судьбу некоего Стефана Гейнделя, колониста из Ровной, попавшего в плен к киргизам со своим братом Мартыном. Ведя у своего первого хозяина холодное и голодное существование, Гейндель был куплен богатым хивинским купцом Мохаммедом и, служа верно и честно, сделался правой рукой своего господина. Шесть лет спустя Мохаммед предложил Гейнделю принять магометанство, обещая дать ему в жены свою единственную дочь и сделать наследником всего состояния. Гейндель отказался принять магометанство, за что был беспощадно высечен ветвями шиповника по приказу разгневанного Мохаммеда. Когда через несколько месяцев предложение было повторено, Стефан Гейндель,

побуждаемый братом Мартыном, согласился принять ислам. Была отпразднована торжественная свадьба, сопровождавшаяся богатым и продолжительным пиршеством. Вскоре Мохаммед умер, и Гейндель сделался обладателем его состояния. Счастливо жил он со своей женой Нией, воспитывая маленькую дочь Рахиль, но вдруг им овладела тоска по родине. Сказав своим, что едут продавать товары в Персию, Стефан с братом направились в Астрахань, а оттуда на родину, в Ровную. Так как мать их умерла, то братья уехали в Саратов, где Стефан занялся торговлей на деньги, вырученные от продажи привезенных из Хивы товаров. В Саратове Стефан Гейндель женился на дочери шульмейстера колонии Поповкиной Тарлыцкого округа Иоганна-Георга Меринга, Катарине. Недолго проторговав в Саратове, Стефан с женой переехал в колонию Козицкую. Торговля не пошла, и через 6 лет Стефан разорился. Тогда Стефан поехал в Астрахань, сказав жене, что едет получать долг. Оттуда он отправился в Хиву, где был встречен с распростертыми объятьями женой Нией и дочерью Рахилью. Стефан сплел им сказку о нападении разбойников, продержавших его 6 лет в плену. Стефан снова зажил в своей киргизской семье. Но через 4 года его снова потянуло на родину. Тогда он предложил жене отправить караван в Оренбург для продажи ковров и шелков. Жена не возражала, и Стефан уехал. Из Оренбурга он отослал людей домой под тем предлогом, что сам все распродаст, и, ликвидировав товары, направился снова в Козицкую. Три года Стефан прожил спокойно в Козицкой, а затем в 1807 году переехал в Ровную, где снова разорился. Настала для семьи Гейнделя тяжелая пора, полная лишений и неудач. Положение для Стефана сделалось невыносимым, и он искал исхода. Стефан имел обыкновение ловить рыбу на берегу Волги. Однажды он ушел и больше не вернулся. Жена была безутешна, уверенная, что Стефан сорвался с берега и утонул. Между тем Гейндель снова отправился в Хиву. Прибыв туда, он был встречен горькими упреками дочери, вышедшей замуж и узнавшей истину; жена его умерла от горя. Дочь, однако, простила его и умоляла жить вместе, но не хотела допускать его к бесконтрольному управлению имуществом. Стефан не захотел принять этих условий и ушел из Хивы, несмотря на мольбу Рахили, снувшей ему на прощание в карман кошелек с деньгами.

Гейндель вернулся в Ровную, где и умер, рассказав перед смертью своим 7 детям и односельчанам историю своей жизни.

В Ровной можно слышать еще рассказ, что спустя лет 30 после киргизских набегов, когда немцы и ордынцы жили как соседи, покупая друг у друга скот, в Ровную приехал к немцу молодой киргиз и, назвавшись его братом, просил съездить в орду к матери. Немец поехал и действительно признал свою мать. Однако она не решилась расстаться с новой семьей и отпустила сына домой, снабдив его подарками, отличными лошадьми и скотом.

К немецким колонистам обращается брошюрка, изданная пастором Дзирне, где можно встретить рассказ о «киргизском Михеле» и «прекрасной Амми из Мариенталя», в коем повествуется о плене Михеля, чудесном освобождении его дочерью богатого киргиза и женитьбе на ожидавшей его в колонии Амми (Анна-Мария).

Борьба с кочевниками

Третий набег в 1776 году был наименее удачен для диких номадов.

Он обрушился на 8 колоний по Б. Караману: Хайсоль, Отроговку, Тонкошуровку, Крутояровку, Суслы, Раскаты, Липовку и Липов Кут. Кроме этих, частично были захвачены Осиновка, Луговая Грязнуха, Старица и другие. Из них колония Хайсоль, сильно пострадавшая еще в 1774 году, была окончательно стерта с лица земли, а остальные приведены в состояние полного разгрома.

Этому набегу предшествовало два мелких нападения шайки в 80-100 человек, захвативших в плен колонистов Отроговки и Тонкошуровки, находившихся на полевых работах. К спасению этих пленников были приняты меры. Контора опекунов иностранных в Саратове распорядилась отправить в погоню команду драгун и казаков, которая, согласно приказу, должна была зайти за реку Узень до Урала. У верховья Узень эта команда напала на следы киргизов и дальше не сделала ни шагу, несмотря на то, что спасение пленных представлялось легко возможным. Отряд повернул обратно, хотя по инструкции должен был дойти до реки Урала и исследовать на обратном пути уральские степи. Однако этого не было исполнено.

Колонисты, приведенные в ярость постоянными нападениями, решили организовать отряд добровольцев, чтобы нагнать киргизов и отнять у них добычу. Сбор был назначен в колонии Филиппсфельд Екатеринбургского округа. Собралось около 150 человек. Но слух о том, что киргизы находятся неподалеку от колонии Боаро, за Калмыцким бугром, уменьшил число добровольцев почти наполовину. Предводителями отряда были выбраны пастор Екатеринбургского округа Людвиг-Бальтазар Вернборнер и староста колонии Орловской Эрфурт. Отряд, вооруженный саблями, пиками и ружьями, сидевший на свежих лошадях, двинулся в путь для освобождения своих братьев. Маршрут наметили между реками Большим Караманом и Мечетной в глубь уральских степей. Попав в необъятную дикую степь, отряд ускорил шаг, подгоняемый наступлением ночи, и направился к верховьям реки Узенья. На карте того времени видно, что от верховьев Карамана вплоть до Уральска нет ни одного поселка — одна лишь пустынная степь. Наступал вечер. Погода стояла сырая, осенняя и накрапывал мелкий дождь. Когда солнце садилось и последними лучами окрашивало далекие хребты, отряд как раз поднимался на гору и неожиданно наткнулся на ехавшую ему навстречу шайку киргизов, численностью около тысячи человек. Оба отряда остановились в изумлении, и киргизы, видя перед собой воинственных видом и вооруженных людей, уже готовились к бегству. Немцы по команде предводителя дали залп. Но вместо выстрелов послышался лишь сухой стук кремней — порох на полках отсырел от дождя. Немецкий отряд, считая дело погибшим, бросился врассыпную, но был почти весь переловлен оправившимися киргизами. Много способствовало бегству немцев и то обстоятельство, что вместо 80-100 человек перед ними предстало 1000 киргизов.

По окончании преследования киргизы принялись за истязание пленников: крепко связанных веревками из конского волоса били их нагайками и затем бросили на ночь на холодную землю. Рано утром пленникам накинули на шеи веревки, и отряд двинулся по направлению к видневшимся вдали волжским горам, волоча за собой пленников и убивая отстававших. Горный берег Волги виден с луговой стороны на расстоянии чуть ли не 100 верст. Киргизы шли целый день и ночевали у реки Мечетной. На следующее утро отряд спешно выступил. Пленники были в ужасном состоянии: тело

вокруг веревок за два дня опухло, и веревки так врезались в тело, что их не было видно. Киргизы направились к Тонкошуровке (Мариенталь). Не дойдя приблизительно 5-ти версте, киргизы остановились и стали через переводчика требовать у пленных ответа о местоположении ближайшей колонии. Пленные, желая ввести дикарей в заблуждение, указывали в сторону, в степи, и отряд уже двинулся было в путь, но тут в Тонкошуровке раздался звон колоколов, призывавший к богослужению и послуживший сигналом к мученической смерти для пленников. Услышав звон и поняв, что их обманывали, киргизы впали в ужасную ярость и подвергли пленников страшным пыткам. Пастору Вернборнеру вырезали язык и истязали до тех пор, пока несчастный не испустил дух. Эрфурту выкололи глаза и затем перепилили горло тупым ножом. Остальных избивали нагайками, пронзали копьями и протыкали ножами рядом с пуговицами камзолов громадные раны, проворачивая в них ножи... Так все пленники были замучены, за исключением одного — Иоганнеса Герстнера, который должен был указать дорогу в колонию. Между прочим, этот Герстнер во время последовавшего разгрома Тонкошуровки убежал и принес в Екатеринбург печальную весть.

Замучив своих пленников, киргизы направились к Тонкошуровке. Около этой колонии, на высоком кургане, была сторожевая вышка, на которой день и ночь бодрствовала стража. Стража заметила приближение большого количества людей, но за дальностью расстояния не могла определить состава. Полагая, что это пастор Вернборнер со своим отрядом, стража отправилась навстречу разведчиков, которые убедились в приближении своих злейших врагов. Колонисты спешно разрушили мост на реке Карамане, чтобы не дать киргизам возможности переправиться и собрались на противоположном пригорке, вооружившись чем попало, чтобы дать отпор. Но киргизы без малейшего колебания бросились на своих конях в реку, вмиг переплыли ее и напали на колонистов, испуская страшные крики. Испуганные диким видом и многочисленностью врагов, колонисты разбежались, и тогда начался разбой, грабеж, убийства и пленение.

15 августа 1776 года в книгах Тонкошуровского прихода отмечено кровавого цвета листьями в вечную память потомству. Картина этих грабежей была обычна и не отличалась от таковой же

в нашествие 1775 года. Разбойники разграбили церковь, захватили священные сосуды и разбили иконы. По окончании грабежа киргизы захватили скот и пленников и удалились. Тогда вышли прятавшиеся по погребам и скрывавшиеся в лесу и других местах. Тяжелая картина представилась их взглядам. Все было разграблено и опустошено: двери и окна разбиты и разрублены, имущество разбросано, на улицах валяются трупы.

Немногие уцелевшие собрались группами в пощаженных домах и в слезах и отчаянии провели эту ночь без сна, утром же, бросив на произвол судьбы остатки имущества, спаслись в Саратов и там дожидались своей дальнейшей участи.

Киргизы же с пленными достигли уже Мечетной, перешли ее и расположились по ту сторону. По дороге многих убили, а на привале к пленным мужчинам, стоявшим отдельно от женщин и детей, неожиданно подошли два киргиза и проткнули копьями четырех человек, которые тут же скончались в страшных муках. Наступила ночь. Вот как ее описывает современник:

«Темная, черная и холодная ночь. Великая тишина царствовала в лагере, прерываемая лишь стуком конских копыт, звоном уздечек и храпом спящих киргизов. Изнеможенные, без сна, туго связанные, лежат на холодной земле несчастные пленники. Никто не смел ни тронуться с места, ни выплакать свое горе, ни разговаривать с другим из боязни безжалостных разбойников и убийц, лишь к Богу обращались они в тишине, прося избавить их из рук ужасных киргизов. Ужасная черная ночь, как легко себе представить, побуждала этих дьяволов к еще более грязным вожделениям: они насиловали самых красивых женщин и девушек и совершали над ними всякие надругательства. Так не только колонии разорили они и имущество разграбили, несчастных детей убивали, но оскверняли и то, что драгоценнее имущества и даже жизни. Место, где был разбит лагерь киргизов, до сих пор в вечную память потомству называют «киргизским станом».

На следующее утро киргизы снова тронулись в путь. У каждого по 3-4 вьючных лошади, на которых посадили по 3-4 пленным женщинам и детей, связав их ногами друг с другом, мужчины же бежали около лошадей, привязанные за шею веревкой, другой конец которой был прикреплен к луке седла всадника. По всем сторонам отряда на расстоянии человеческого голоса ехали

разведчики, чтобы немедленно предупредить о приближении неприятеля, так как киргизы чуяли опасность. Шаг был ускорен, и отряд двинулся в путь, уводя пленников в бесконечно далекие, дикие уральские степи.

«Обрадованные богатой добычей, — пишет современник-очевидец, — киргизы с веселым гиканьем продолжали путь, свистели и пели свои негармоничные песни в ранний светлый утренний час, в то время как несчастные пленники возносили молитвы к Всевышнему Богу. И Бог услышал эти молитвы...»

Начальство уездного города Вольска получило известие, что две колонии на р. Большом Карамане разграблены и опустошены и что из Саратова послана команда драгун и казаков для спасения и возврата пленных с приказом проследовать до р. Урал. Для усиления этой команды саратовское воеводство предписало отправить отряд из Вольска. Для этой цели был командирован *майор Гоголь (отец знаменитого писателя)* с 25 гусарами и 200 крестьянами, с 2 полевыми орудиями, которому было поручено пересечь степи наискосок от г. Вольска до р. Узенья и заняться поисками. Малочисленность отряда объясняется тем, что вольской полиции было известно о нападении 80-100 человек, как это и было в малых набегах и как о том извещало саратовское воеводство.

Майор Гоголь выступил в путь. Через день он достиг того места, где был рассеян и захвачен киргизами отряд пастора Вернборнера, у истоков Б. Карамана и Мечетной, и расположился на ночлег, а утром устремился к цели. Когда отряд достиг одинокого кургана в степи, майору Гоголю показалось вдали облако тумана. Поднявшись на курган, майор в зрительную трубу увидел киргизское полчище и первоначально смутился: ожидая увидеть 80-100 человек, он убедился, что киргизов не менее 1000; но тотчас же оправившись, майор принял все меры предосторожности.

Повозки были растянуты в ряд, крестьяне построены в одну линию с повозками, гусары же и полевые орудия скрыты за ними; на повозки майор приказал наставить пик, обернув их развевающимися тряпками, и поставить на них 2 маленьких походных палатки, каковым расположением придал своему маленькому войску грозный и внушительный вид. С этой грозной армией майор Гоголь двинулся вперед, стараясь подойти к киргизам на расстояние выстрела. Людей отряда, в особенности

крестьян, объял страх при виде такого количества врагов, и они стали просить своего начальника дать выстрел из полевого орудия. Но майор, уговаривая их быть мужественными, отказался исполнить просьбу, опасаясь выстрелом повредить не только киргизам, но и пленникам.

Между тем киргизский отряд остановился в ожидании, не зная намерений приближавшихся. Всадники из арьергарда носились как угорелые и кричали: «Казак, казак!». Игра эта продолжалась часа два. Опасаясь все же нападения, киргизы спешно сняли с лошадей всю поклажу, стянули узлы пленников-мужчин, а женщин и детей сняли с лошадей, подготавливаясь к возможному бегству. Но пока раздавались возгласы: «Казак, казак!» — они оставались спокойными и медленно продолжали путь. Отряд майора ускорил шаг. Постепенно наглость киргизов возросла настолько, что арьергард их отважился приблизиться к сомкнутому строю из людей и телег. Вдруг майор дал сигнал, ринулся из-за возов со своими гусарами и вступил с арьергардом в бой, который продолжался недолго. Предводитель киргизов, исполинского роста, сидевший на громадной белой лошади, с копьем в руках бросился на майора, сопровождаемый двумя другими, но храбрый майор уложил двух выстрелами из своих седельных пистолетов и, отразив пику начальника своей саблей, разрубил ему череп. Гусары также крошили киргизов саблями, а оправившиеся крестьяне не отставали от них. Результатом схватки было трое захваченных в плен киргизов и много убитых и раненых, которых тут же приканчивали. Уцелевшие бросились к главному отряду с криком: «Гусары, гусары». При этом крике киргизы, питавшие большой страх перед регулярными войсками, пришли в страшное замешательство и, бросив свою добычу, ударились в беспорядочное бегство, издавая дикий вой. Через четверть часа пленники были на свободе. От киргизов ничего не оставалось, кроме облака пыли, поднятого ногами лошадей; некоторое время еще слышались издали крики и топот лошадей, напоминавший раскаты отдаленного грома.

Спасенные пленники от всего сердца благодарили майора и, заливаясь радостными слезами, отправились в свою Тонкошуровку, куда был пригнан и оставленный киргизами скот, а также и брошенное по дороге имущество, которое нагрузили на вьючных лошадей киргизов же.

Когда затем майор произвел проверку людей, то оказалось, что недостает лишь одного 12-тилетнего мальчика, который, очевидно, был увлечен киргизами в общей суматохе, но убитых, в особенности детей, раненых в сутолоке и задавленных копытами лошадей, было множество. Три связанные киргиза были также привезены в Тонкошуровку. Один из них был старый, а двое молодых, в возрасте 20-21 года. Майор начал через переводчика спрашивать старика, что они хотели сделать со своими пленниками и почему так жестоко обращались с людьми, но ни на один вопрос не получил ответа, хотя вопросы повторялись несколько раз. Видя такое упорное молчание, майор Гоголь приказал развести костер, связать киргизу руки и ноги, просунуть между ними жердь и держать его спиной к пламени. Жестокий век породил и жестокую расправу. Пока его так поджаривали, переводчик пытался получить ответы, но тщетно, хотя киргизу было торжественно обещано освобождение от пытки в случае ответа. Киргиз молчал упорно, но когда страдания сделались невыносимыми, он дико заревел и, извиваясь, схватил руками горящие уголья и бросил их в присутствующих. Наконец, огонь потух, но несчастный дикарь все еще был жив. Тогда майор подозвал мальчика-колониста Фридриха Гильд, который вонзил в сердце киргиза его же пику и тем избавил его от страданий. При этом невольном зрелище присутствовали и два других киргиза, ждавшие с ужасом, что пытка дойдет и до них. Но их пощадили и отправили со стражей в саратовское воеводство, где они вскоре были обменены на русских крестьян, захваченных киргизами.

Итак, пленники счастливо вернулись домой, но невеселая картина ожидала их. Все было разрушено и опустошено, оставшиеся люди разбежались в другие места, пока не узнали об избавлении из неволи своих родственников и односельчан; тогда лишь они вернулись назад, чтобы обнять избавленных. Приведя в порядок, майор Гоголь со своим отрядом ушел обратно в Вольск. Замученного же пастора Вернборнера и всех погибших с ним разыскали и предали земле, воздав им последние почести и христианское погребение: 6 немецких фур было нагружено мертвецами, которых предали погребению на кладбище колонии Тонкошуровки в двух братских могилах.

Вот краткий очерк киргизских набегов. Из этого краткого очерка видно, что все нападения совершались по одному шаблону.

Киргизы обыкновенно появлялись осенью из пустынных и необитаемых тогда уральских степей, грабили, жгли, убивали и уводили в плен жителей колоний. Число уведенных в плен и убитых определить довольно трудно, так как указания современников очень разноречивы, а архивы уничтожены киргизами и пугачевскими шайками. Во всяком случае число их доходило до 2500 человек. За небольшим исключением пребывание киргизов в колониях ограничивалось одним днем. Путь номадов лежал через реки Урал, Большой и Малый Узени и по истокам Б. Карамана и Мечетной, захватывая и другие мелкие речки, например, Суслы. Горы, долины, холмы и курганы, а также места ночевки шаек до сих пор еще сохранили названия «киргизских, калмыцких». Долго еще после этого находили в степях и лесах человеческие останки частью убитых на месте, частью умерших ужасной смертью от тяжких ран, спасавшихся в лесах и оврагах. Во время набегов киргиз-кайсаки имели обыкновение убивать людей хорошо одетых и тех, у кого в карманах находили бумагу, очевидно, считая их старшими начальниками.

О способах освобождения пленных нами уже было говорено: часть была выкуплена частными лицами, часть добилась свободы верной службой своим господам, часть, наконец, выкупалась русским правительством. Императрица Екатерина издала в 1777 году указ, коим была ассигнована сумма на выкуп пленных, находившихся в областях Великой Татарии – она определялась в 150 рублей за каждого немца. «Но о сем учреждении ни малое сведения в публику не давать, а препоручить все особому попечению губернатора и командующего на сибирской линии генералитета» — добавляет указ (Труды Саратовской архивной комиссии. 1894 г. т. IV). Возник, однако, вопрос, из какого источника брать эти деньги, и решили добывать их продажей киргизского скота, забирая его в тех улусах, где окажутся участники набегов или которые давали им пристанища. Но по многим причинам сделать этого не удалось. Тогда Екатерина письмом к князю Потемкину «указать изволила, чтобы на выкуп пленных употребить из соляных и иных доходов до 20 тыс. рублей и выкуп производить как бы от самого генерал-аншефа князя Г.А. Потемкина».

Многие из пленных, побуждаемые жестокостями киргизов, принимали даже магометанство. Через 8 лет после набегов часть их

прислала в Саратовскую контору опекунства прошение, в коем ходатайствовало освободить их из неволи: «но будет оная Контора не в состоянии нам помочь, то просим оставшимся бедным невинным детям подать руку помощи, ибо мы уже приняли магометанскую веру и совсем забыли Иисуса Христа»... Еще в 1804 году колонист колонии Ровной Михаил Штольц подал Саратовской конторе опекунства иностранных прошение, в котором объясняет, что в 1774 году он был взят в плен вместе с женою и сыном, но сумел с женой освободиться из неволи, без сына. После этого он нанялся на службу в Оренбург, а жена отправилась в Москву, где находится и теперь. Желая ныне вновь заняться хозяйством в Ровной, он просит вернуть ему из Москвы жену и дать ему хозяйство. Контора согласилась удовлетворить ходатайство Штольца и затребовала по указу своему от 28 июня 1804 г. № 1124 от Тарлыцкого окружного старшины Рудольфа сведения о просителе, сообщив, что за ним числится казенного долга 497 руб. 38 коп.

Русское правительство обращалось также к киргиз-кайсацкому хану с указанием на бесчинства его подданных. Хан этот, Нуралихан, прислал в 1776 году оренбургскому губернатору Рейнсдорфу письмо, в котором заявил, что шайки его подданных направились грабить пограничные русские поселения без его ведома и разрешения. Таким образом, он формально очистился, но, несомненно, набеги производились с его благосклонного попустительства. Оренбургский наместник переслал это письмо саратовскому воеводе надворному советнику Михаилу Беляеву.

Приняло правительство также меры охраны по отношению к своим пограничным колониям. Так, оно поместило в них отряды регулярных войск, а также обнесло рвами, валами и бастионами некоторые большие колонии округов Екатериненштадтского, Тонкошуровского и Тарлыцкого, в которых было много нуждающихся и буквально голодающих после киргизских набегов. Вознаграждением служила мука на пропитание семейств, так что работы эти являлись подобием современных общественных работ. Надо сказать, что по отзывам современников, эта мука была такого качества, что ее отказывался есть даже скот. Войска были впоследствии заменены цепью казачьих поселков от Оренбурга до Астрахани и выведены из колоний; валы и рвы пришли в состояние

полного разрушения, и в некоторых местах до сих пор видны их жалкие остатки.

Набеги ограничивались, как мы уже указывали, луговой стороной Волги. Лишь один раз, 13 марта 1775 года, киргизы напали на расположенное на нагорной стороне село Золотое и окрестные поселения, но были разбиты и истреблены расквартированными там отрядами гусар.

Последствия киргиз-кайсацких набегов были очень тяжелы для молодых колоний, благополучие коих было уже несколько нарушено шайками Пугачева. Колонии округов Екатериненштадтского, Красноярского, Тонкошуровского и Тарлыцкого были, за малым исключением, совершенно опустошены и разорены, тем более что некоторые из них подверглись двукратным нападениям (Отроговка, Тонкошуровка, Хайсоль и др.). Две колонии — Хайсоль и Цезарсфельд были совершенно уничтожены и более уже не возродились. Две колонии Тарлыцкого округа — Кустарева и Краснорыновка владели столь жалкое существование и население их было так малочисленно, что директор экономии Огарев в 1787 году распорядился перенести их на новое место вне черты Тарлыцкого округа за село Черебаево, где они и образовали одну колонию, получившую соединенное название двух первых колоний — «Кустарево-Краснорыновка», окрестное же население называет ее Новая колония («Neue Kolonie»). Автор книги «Наши колонии» Клаус, помещая в своем труде год основания этой колонии, недоумевающе ставит против него знак вопроса, считая таковой, очевидно, документальной ошибкой в официальных источниках, которыми он пользовался. Несомненно, Клаусу не была известна история возникновения этой колонии.

Все остальные колонии впали в самое бедственное положение, потеряв к тому же всякую уверенность в своей безопасности. Казалось, что все труды по обработке земли и упрочению благосостояния колоний погибли. Только что окрепшая промышленность была подорвана в корне. Большинство населения колоний было недоволено и не желало больше оставаться в этих печальных местах, но не знало, куда идти. Путь в Германию — невозможен, а здесь будущее не предвещало ничего хорошего. Жить еще 10-20 лет, работая в поте лица своего, чтобы снова

подвергнуться нападению диких номадов, которые в один день разрушили бы результаты многолетнего труда, — никто не желал.

В конце концов решено было найти в России более удобное место, где можно бы безопасно и спокойно жить и трудиться. Для этого были отправлены в южную Россию ходоки для исследования местности и представления надлежаще засвидетельствованных отзывов о ней. Ходоки уехали еще в марте 1776 г. и вскоре достигли намеченных мест. За время отсутствия ходоков оставшиеся колонисты перестали пахать и сеять и ликвидировали остатки от своего имущества, в надежде попасть на лучшие места. Пока вернулись ходоки, эти крохи почти были прожиты, но ожидания колонистов не сбылись: юг был ничем не лучше и страдал от нападений кавказских горных народов. Пришлось покориться участи, остаться и снова заниматься работой и домоводством.

Долгое время после этого колонии влачили буквально нищенское существование, пробиваясь ссудами из конторы опекунов. Часть населения ушла в города, в Сарепту, поступая на фабрики и просто в услужение. Казенный долг колоний достиг в 1782 году колоссальной суммы в 5 миллионов рублей.

Надо сказать, что киргизы и после 1776 года тревожили берега Волги. Так, в 1785 году в предписании от 17 января саратовский наместник Поливанов рекомендовал хвалынскому городничему князю Кутушеву наблюдать осторожность от киргиз-кайсаков, учредить за Волгой маяки и в случае появления ордынцев зажигать эти маяки, чтобы известить жителей об опасности. Советует также запастись оружием и помогать друг другу, не отлучаться далеко в степь. Кутушев должен был держать в готовности военную команду и о каждом появлении киргиз-кайсаков рапортовать с нарочным Поливанову. Даже еще в 1808 году намеревалась вторгнуться в колонии пробравшаяся из Бухары шайка киргиз, количеством около 300 человек, о чем контора опекунов иностранных поставила в известность колонистов и предписала 18 января принять меры к отражению неприятелей. Но попытки киргизов уже не имели успеха, так как жители были наготове и тотчас же обращались к регулярным войскам.

Колонисты оказали большую услугу русскому государству, отвоевав своею кровью берега Волги у их исконных хозяев — диких азиатских народностей и создав из покрытых кровью пустынных

степей плодородные поля. Колонии послужили стеной, принявшей на себя удар киргиз-кайсацкой волны. Но на половину разрушенная стена все же устояла и не дала волне ордынцев хлынуть в глубь России, только что потрясенной до самого основания пугачевским бунтом.

По прошествии немногих лет внешнее благополучие колоний было восстановлено. Однако, под этим внешним благополучием крылись неуверенность, боязнь, страх за жизнь, за существование; спокойные лица скрывали боль сердца. И когда сейчас, в настоящее время, мать-немка говорит своему ребенку: «смотри, я отдам тебя киргизам», — он пугается и утихает. Старый дед, да и сама мать уже познакомили его с нашествием ордынцев, с этим страшным бедствием, которое никогда не изгладится из памяти колонистов.

Г. Дитц

Саратовский листок, 1914 г., № 139-142.